

П.П. Муратов

Егерия

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.П. Муратов**
Егерия: Роман / П.П. Муратов – М.: Книга по Требованию, 2020. – 302 с.

ISBN 978-5-517-98411-1

ISBN 978-5-517-98411-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Эйнзидельнскій аббатъ былъ человѣкомъ ученымъ и считался большимъ знатокомъ классической древности. Надо ли удивляться въ такомъ случаѣ, что механическій шедевръ, надъ которымъ отецъ трудился ради него такъ долго и терпѣливо, оказался болѣе умѣстнымъ для Птоломеевой библіотеки, чѣмъ для книгохранилища христіанскаго монастыря. И съ другой стороны, не есть ли религія, къ которой всѣ мы принадлежимъ, лишь младшая и разумная сестра тѣхъ суевѣрій, какія мы именуемъ язычествомъ, возросшая вмѣстѣ съ ними въ томъ же золотомъ отчемъ домѣ древности и въ своемъ дѣтствѣ прислушивавшаяся къ тѣмъ же сказкамъ и тѣмъ же преданіямъ. Старинный споръ между ними давно рѣшенъ, и кровное родство, соединившее ихъ, должно было бы чувствоваться съ новой силой въ эти годы дряхлѣющаго съ вѣками человѣчества.

Какъ бы то ни было, часы Эйнзидельнской библіотеки являли на своемъ циферблатѣ всѣ знаки зодіака въ образѣ именно тѣхъ миѳологическихъ существъ, какими воображала ихъ языческая древность. Колесница Аполлона, запряженная четырьмя конями, совершала свой путь среди нихъ, въ точности отвѣчая дѣйствительному движенію солнца. Маленькій позолоченный богъ возвышался надъ пей, держа въ рукахъ лиру, и казалось, что съ едва видимыхъ струнъ этой крохотной лиры слетали изумительные въ своей пѣжности звуки, которыми Эйнзидельнскіе часы отмѣчали полдень каждаго новаго дня, въ то время, какъ двигались въ механическомъ хороводѣ фарфоровыя фигурки сплетенныхъ руками Оръ.

Отецъ любилъ разсказывать впослѣдствіи, что ни одно изъ сокровищъ Эйнзидельна не произвело такого значительнаго впечатлѣнія въ тотъ достопамятный для него день на кардинала и легата Святѣйшаго Престола, монсиньора Ангвиллара, какъ эти, сдѣланные его руками часы. При всей своей искренности и правдивости, отецъ былъ слишкомъ легко склоненъ къ преувеличеніямъ, чтобы слѣдовало придавать его словамъ буквальное значеніе. Тѣмъ не менѣе, сами обстоятельства свидѣтельствуютъ, что высокій гость Эйнзидельнскаго аббатства, остановившійся въ немъ на пути изъ Германіи, былъ дѣйствительно восхищенъ свыше всякой мѣры искусной игрушкой цюрихскаго часовщика. Послѣ поздней мессы и ранняго, но роскошнаго обѣда, кардиналь Ангвилларъ совершалъ

обходъ монастырскихъ покоевъ. Прибывъ въ библіотеку и высказавъ громкія похвалы содержащимся въ ней богатствамъ, онъ какъ разъ собрался углубиться въ разсматриваніе одного изъ рѣдчайшихъ кодексовъ, когда легкое шипѣніе заставило его поднять голову. Передъ нимъ на каминѣ возвышались часы Іоганна Вендля. Серебряные колокольчики ихъ уронили первый чистый звукъ, и уже задвигались Оры въ своемъ механическомъ хороводѣ. Скопфуженный настоятель поспѣшилъ выступить съ объясненіями, но монсиньоръ Ангвиллара прервалъ его движеніемъ руки: склонивъ голову, старикъ, окруженный почтительными монахами, прислушивался къ нѣжному звону волшебной лиры. Восклицапіе удивленія, поддержанное народнымъ римскимъ словомъ, засвидѣтельствовало полнѣйшее его удовольствіе. Нетерпѣливый кардиналъ ударилъ нѣсколько разъ въ ладоши и, какъ если бы находился въ театрѣ, потребовалъ повторенія.

Случайность помогла исполнить этотъ капризъ: отецъ мой находился въ тотъ часъ въ предѣлахъ монастыря. Призванный въ библіотеку, онъ испыталъ родъ благожелательнаго допроса. Съ обычной словоохотливостью онъ изложилъ секреты своего ремесла и невзгоды существованія. Монсиньоръ Ангвиллара слушалъ его разсѣянно, улыбаясь собственнымъ мыслямъ. Легать принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые полагаютъ, что съ перваго же взгляда могутъ узнать собесѣдника лучше чѣмъ знаетъ себя онъ самъ. Мнѣніе кардинала о моемъ отцѣ уже было составлено, пока его поспѣшные шаги еще не успѣли раздаться на библіотечной лѣстницѣ. Монсиньоръ былъ страстнымъ любителемъ и величайшимъ знатокомъ музыкальнаго искусства. Придавая весьма малое значеніе механическому таланту Іоганна Вендля, онъ рѣшилъ, что открылъ въ немъ рѣдкое музыкальное дарованіе. Приговоръ былъ произнесенъ, и кардиналу Ангвиллара не могло придти въ голову сомнѣніе въ немъ. Заставивъ отца три раза подрядъ завести игрушечнаго Аполлона часовъ, онъ отпустилъ его, давъ милостиво облобызать перстень и коротко посовѣтовать слѣдовать въ Римъ. Совѣтъ этотъ, не сопровождавшійся ни обѣщаніями, ни разъясненіями, оказалъ, имонно въ силу спой какъ бы таинственности, магическое дѣйствіе на воображеніе моего отца. Возвращаясь изъ Эйпидельна, онъ бредилъ Римомъ, а черезъ нѣко-

торое время отправился въ путь, захвативъ съ собою несложный скарбъ и семью, въ которой недоставало лишь одного члена — меня.

II.

Я не собираюсь писать автобіографію, и оттого мнѣ нѣтъ пужды подробно рассказывать здѣсь о моемъ дѣтствѣ. Исторія жизни художника написана въ его произведеніяхъ. Пусть тѣ, которые пожелаютъ удѣлить вниманіе исторіи моей жизни, обратятся къ сдѣланнымъ мною офортамъ и рисункамъ. Пусть пронизательность ихъ различитъ, что именно перешло отъ личной судьбы автора въ эти перспективы торжественныхъ архитектуръ, въ эти виды венеціанской лагуны, въ эти зрѣлища римскихъ руинъ, среди которыхъ отдыхаютъ пилигриммы невѣдомыхъ святынь, и внуки латинскихъ фавновъ пасутъ свои мохнатая стада. Но мало кто умѣетъ прочесть обликъ художника въ эфемерическихъ пятнахъ и линіяхъ, которыя его кисть, карандашъ или игла наносятъ на поверхность холста, бумаги и мѣдной доски. И тѣ немногіе, которые были бы способны на это — кому изъ нихъ пришло бы въ голову заинтересоваться жизненной участью Орсо Вендоло, мало заботившагося о своей жизненной славѣ и еще не успѣваго подумать о славѣ посмертной!

Не объ Орсо Вендоло идетъ главнымъ образомъ рѣчь и въ этихъ запискахъ. Судьба сдѣлала меня свидѣтелемъ и участникомъ происшествій, превосходящихъ уровень повседневности. Я зналъ людей непохожихъ на чалца всего встречающихся представителей человѣческаго рода. Въ продолженіи ряда лѣтъ дыханіе трагедіи вѣяло надъ ними, и надо мной, и если изъ грознаго опыта страстей я вышелъ уцѣлѣвшимъ, болѣе роковой оказалась судьба другихъ, чьи образы до сей поры тѣснятъ въ моемъ воображеніи. Ихъ память для меня священна: возстапавливая здѣсь ихъ дѣйствія и чувства, я лишь оплачиваю имъ за все доброе и злое, сравненное нынѣ въ благодѣтельной силѣ воспоминанія.

Быть можетъ я все же не рѣшился бы взяться за перо, если бы до меня не дошла вѣсть о событіи въ далекомъ Стокгольмѣ, потряшемъ мѣръ даже теперь, когда все полно оглушительнымъ эхомъ совершающейся великой революціи. Вы-

стрѣль Анкарстрема нарушилъ молчаніе въ странѣ моихъ тѣней. Иныя изъ нихъ ожили и стремятся заговорить человѣческимъ голосомъ. При посредствѣ моего разсказа онѣ могутъ совершить важныя признанія. Лучъ свѣта готовъ забрезжить во тьмѣ, окутывающей для многихъ сѣверныя дѣла. Тайны отдѣльныхъ существованій будутъ нарушены мною въ этомъ разсказѣ съ тѣмъ большимъ правомъ, что онѣ принадлежатъ теперь исторіи. Грядущій изслѣдователь безъ труда отброситъ въ сторону все то въ моихъ запискахъ, что приходится на долю собственныхъ дѣлъ и чувствъ Орсо Вендоло и воспользуется въ нихъ только тѣмъ, что послужитъ ему для познанія исторической истины.

Стремясь быть правдивымъ, я самъ не могъ бы совершить среди этихъ страницъ необходимаго отбора. Выводы, къ которымъ надлежитъ придти безпристрастному читателю, — эти выводы не могутъ быть сдѣланы мною самимъ, прошедшимъ сквозь изображенныя здѣсь испытанія. Я видѣлъ воочію тайную и иногда лишь малую сторону вещей, иной своей стороной обращенныхъ для лицезрѣнія современниковъ. Я былъ незамѣтнымъ, по важнымъ свидѣтелемъ, и показаніе мое, возможно, измѣнитъ нѣчто въ томъ приговорѣ, который произнесетъ исторія о сѣверной драмѣ и нѣкоторыхъ, до сей поры остававшихся въ тѣни, ея актерахъ. Но излагая это показаніе здѣсь со всей искренностью, я долженъ разсказывать лишь то, что видѣлъ я собственными глазами и чувствовалъ собственнымъ сердцемъ въ тѣ годы, когда менѣе всего думалъ о судѣ исторіи. Судьба Орсо Вендоло переплелась прихотливо съ судьбами значительныхъ лицъ, вышедшими изъ границъ частнаго существованія. Читатель, стремящійся къ истинѣ, пусть не посѣтуетъ на то и снисходительно отнесется къ житейскимъ мелочамъ, которыя самъ я не могу опустить, боясь нарушить нить повѣствованія.

Надежды, какія возлагалъ Іоганнъ Вендль на римское свое перевоплощеніе, оправдались во всякомъ случаѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ тѣ, какія монсиньоръ Ангвиллара возложилъ на его музыкальный талантъ. Но будучи человѣкомъ послѣднихъ сужденій кардиналъ не былъ упрямъ въ ихъ отстаиваніи. Не сознаваясь въ ошибкахъ, онъ однако легко уступалъ доводамъ очевидности. Послѣ двухъ или трехъ пробъ, онъ забылъ свое

Эйнзидельнское открытіе и, я увѣренъ, черезъ короткій срокъ уже не помнилъ, что именно заставило его оказать впервые благоволеніе цюрихскому мастеру, который отнынѣ былъ римскимъ часовщикомъ, посившимъ имя Джованни Веполо.

Превратившись съ теченіемъ ряда лѣтъ въ благоволеніе такъ сказать машинально, доброжелательство кардинала не было отъ того менѣе дѣйствительнымъ и неизмѣннымъ. Отецъ мой не зналъ недостатка въ заказахъ; вліяніе монсиньора Ангвиллара доставило ему также выгодную обязанность провѣрять и заводить часы во всѣхъ тѣхъ комнатахъ и залахъ апостолическаго дворца, въ которыхъ таковыя имѣлись на лицо. Семья наша, благодаря всему этому, жила не бѣдно и пользовалась уваженіемъ. Рожденіе мое явилось въ ней счастливымъ и желаннымъ событіемъ. По настоянію отца, мнѣ было дано суровое имя Урса, предрекавшее неукротимость и рѣшительность нрава. Въ бѣльшемъ соотвѣтствіи съ моимъ дѣйствительнымъ характеромъ, оно смягчилось вскорѣ въ итальянское Орсо. Въ дальнѣйшемъ же я сталъ для всѣхъ, кто сколько-нибудь близко зналъ меня, извѣстенъ какъ Орсоло и съ этимъ прозвищемъ, дасть Богъ, останусь до конца дней и сойду въ могилу.

Другое радостное событіе прерываетъ однообразную и спокойную жизнь нашей семьи въ Римѣ въ ранніе годы моего дѣтства — это замужество обѣихъ монхъ сестеръ, случившееся въ одинъ и тотъ же день одного и того же мѣсяца, хотя промежутокъ въ пять съ лишнимъ лѣтъ отдѣлялъ возрастъ старшей изъ нихъ отъ возраста младшей. Я не удивленъ, что это произошло именно такъ: привлекательная внѣшность и пріятный характеръ младшей сестры, Целестины, должны были быть оцѣнены гораздо скорѣе, чѣмъ тѣ достоинства, въ которыхъ нельзя было отказать моей старшей сестрѣ, Терезѣ. Эти достоинства принадлежали къ числу позамѣтныхъ; высокая, широкоплечая и немного сутулая, наша Тереза не отличалась ни правильностью чертъ лица, ни веселостью нрава. Она была безсловесна, робка и умъ ея оставался погруженнымъ всецѣло въ мелочныя обстоятельства домашней жизни. Не было бы рѣшительно ничего страннаго, если бы она никогда не встрѣтила на своемъ пути человѣка, который пожелалъ бы связать съ ней собственную судьбу

Такой человекъ однако нашелся. Не знаю, что именно привело впервые къ намъ въ домъ еще молодого тогда архитектора Дженнаро Фантокки, состоявшаго на службѣ въ управленіи водъ святѣйшаго престола. Съ обычнымъ своимъ радушіемъ отецъ упросилъ гостя остаться обѣдать. Несмотря на молодость, Дженнаро Фантокки былъ лишень присущаго его возрасту легкомыслія. Онъ былъ молчаливъ, неподвиженъ и серьезенъ, что соотвѣтствовало высокому его росту и очень замѣтной преждевременной наклонности къ полнотѣ. Единственной слабостью его являлась хорошая кухня: ѣда была единственнымъ его развлеченіемъ, и онъ предавался ему сосредоточенно и самозабвенно. Во время того обѣда онъ не произнесъ ни единого слова, такъ что отцу моему пришлось взять цѣликомъ на себя всю долю необходимой бесѣды. Вмѣстѣ съ тѣмъ Джованни Вендоло не переставалъ лукавымъ глазомъ наблюдать гостя, изрѣдка подмигивая женѣ.

Сильборъ Фантокки былъ еще погруженъ въ свою гастрономическую задумчивость и разсѣянно вытиралъ ротъ салфеткой, когда отецъ положилъ ему на плечо руку, спросивъ, доволенъ ли онъ скромнымъ обѣдомъ часовщика. Добродушное лицо молодого архитектора побагровѣло отъ замѣшательства, на лбу его выступили капли пота, изъявлявшія напоръ разнообразныхъ чувствъ. Ловя пальцами въ воздухѣ ускользящія слова, онъ заговорилъ, вначалѣ отрывисто, потомъ приливъ неожиданнаго краснорѣчія пришелъ ему на помощь. Дженнаро Фантокки произнесъ цѣлый панегирикъ гостепримству нашего дома и достоинствамъ нашего стола. Онъ готовъ былъ обратиться съ благодарностями въ сторону хозяйки, но отецъ, взявъ за плечи, насильно обратилъ его лицомъ туда, гдѣ сидѣла, тщетно стремившаяся при своей крупной фигурѣ стать несуществующей, робкая Тереза и открылъ ему, что виновницей всѣхъ кулинарныхъ волшебствъ была она, изготовившая на послушномъ ей одной очагѣ все, отъ перваго до послѣдняго блюда. Фантокки всталъ и неловко ей поклонился. Залившіеся румянцемъ, Тереза вскочила, ища спасенія въ кухню.

Обѣдъ, который съ такимъ аппетитомъ уничтожилъ молодой архитекторъ, не остался, разумѣется, его единственнымъ у насъ обѣдомъ. Все чаще и чаще приходило ему желаніе отдать должную дань поваренному искусству моей сестры. Что

же удивительнаго, что въ концѣ концовъ ему захотѣлось наслаждаться этимъ искусствомъ подъ своей кровлей и уже не въ качествѣ гостя, но въ роли амфитріона! Тереза Фантокки вскорѣ сдѣлалась одной изъ умудренныхъ всяческимъ опытомъ римскихъ хозяекъ. Ни въ одномъ домѣ столицы міра не ѣли такъ сытно и такъ вкусно, какъ въ домѣ архитектора вольно, распольнѣваго и раздобрѣваго въ самый короткій срокъ отъ столь неожиданно свалившагося на него счастья. Изобрѣтательная въ приготовленіи пастъ, непревосходимая въ тонкости фриттуръ, вдохновенная въ области жаркого, Тереза выказала особый талантъ въ сооруженіи и украшеніи сладкихъ блюдъ. Ей несомнѣнно передалось нѣчто отъ механической находчивости моего отца и отъ его любви къ шуточнымъ затѣямъ. Изъ тѣста и сахара она терпѣливо сооружала цѣлые замки и цѣлые города, напоминавшіе тѣ, которыми фантазія его окружала маятники и циферблаты. Праздничный обѣдъ у Фантокки нерѣдко заканчивали то марципановый Каstellъ Сантъ Анджело, то орѣховый Колизей, то куполь святого Петра изъ мороженныхъ сливокъ.

Будь мой отецъ менѣе равнодушенъ къ матеріальнымъ вещамъ, онъ могъ бы почитать себя совсѣмъ исключительно счастливымъ въ замужествѣ обѣихъ своихъ дочерей. Богиня, которую древніе столь основательно изображали слѣпой, зачастую вываливаетъ свой рогъ изобилія на голову того, кто менѣе всего склоненъ ее объ этомъ просить. Судьба одарила Джованни Вендоло не только одной изъ завиднѣйшихъ кухонь въ Римѣ, но и прямой возможностью снабдить ея погреба и чуланы всѣмъ, что производитъ деревня — всѣмъ тѣмъ, что таится въ жирной римской землѣ или свѣшивается съ вѣтвей сада, всѣмъ тѣмъ, что наполняетъ крикомъ и хлопаньемъ крыльевъ птичій дворъ, и обозначаетъ загонъ для скота разноголосымъ мычаніемъ и бляніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если старшая его дочь была готова обратить въ добропорядочное блюдо все, что годится въ христіанскую пищу, не оказалась ли младшая въ своемъ замужествѣ за Паоло Буцци, стоящей какъ бы у самага первоисточника всѣхъ сельскихъ благъ?

Характеръ второй моей сестры и предпримчивый нравъ того, кому суждено было сдѣлаться ея супругомъ, были не таковы, чтобы первое знакомство ихъ произошло за семейнымъ

столомъ, какъ это случилось съ робкой Терезой и ея степеннымъ Фантоки. Я сильно подозрѣваю, что рѣшительный Паоло явился къ намъ со своимъ сватовствомъ, не будучи сколько-нибудь извѣстенъ моей матери или отцу, но бывъ въ то же время давно и нѣжно любимъ лукавой и бѣлокурой Целестинной. Извѣстiе о помолвкѣ Терезы побудило его рискнуть наконецъ и своимъ предложенiемъ; капризный умъ Джованни Вендоло оказался настолько прельщенъ комической стороной двойной свадьбы, что согласiе его послѣдовало мгновенно.

Союзъ, заключенный съ ненадлежащей долей осмотрительности, явился впрочемъ весьма счастливымъ. Паоло Буцци снималъ значительный участокъ земли неподалеку отъ древнихъ стѣнъ Рима, во владѣнiяхъ князя Миньятелли. Прочно выстроенный изъ коричневаго туфа домъ служилъ ему жилищемъ. Нѣсколько старыхъ лозъ обвивали круглыя толстыя столбы его галлерей, чертя розовыя и синiя тѣни на ихъ известковой поверхности. Огородъ, виноградникъ и плодовый садъ тянулись по склону холма, спускавшемуся къ заросшему камышомъ медленному ручью Алмоне. Небольшое поле пшеницы было терпѣливо вспахано собственной рукой хозяина, любившаго идти на утренней зарѣ за плугомъ, влекомымъ бѣлыми какъ снѣгъ волами. Среди этого поля возвышалось пугало въ старомъ кафтанѣ, съ краснымъ воротникомъ и мѣдными пуговицами, отгонявшее птицъ Кампаньи и при каждомъ движенiи вѣтра ласково кивавшее маленькому Орсолю своей продыравленной трехуголкой.

Съ раннихъ лѣтъ я любилъ все то, что окружало деревенскiй домъ Соръ Паоло. Я видѣлъ, какъ вырастало въ немъ рѣзвое населенiе племянниковъ и племянницъ моихъ. Въмѣстѣ съ ними я лазилъ по изгородямъ, окружавшимъ поле и загонъ для скота, рылся въ огородѣ, пасъ овецъ на прилегающихъ пространствахъ равнины. Я зналъ крѣпкiй запахъ прохладныхъ винныхъ погребовъ и аромать сѣна, сложенного въ стога передъ давно заброшенной, церковью святого Урбана, служившей теперь складомъ зерна, овощей и плодовъ для владѣнiя Миньятелли. Когда распахивались двери этого квадратнаго кирпичнаго зданiя, въ которомъ ученые хотятъ видѣть древнiй храмъ Вакха, я не упускалъ случая войти внутрь и поглядѣть на осыпавшiяся фрески, написанныя на

его стѣнахъ въ незапамятныя времена рукой варварской и благочестивой. Неподалеку, на пригоркѣ небольшая рощица старыхъ и вѣтвистыхъ, вѣчно-зеленыхъ дубовъ отбрасывала круглое пятно тѣни. Я укрывался въ нее, когда мнѣ надоѣдали шумныя игры сверстниковъ, и лежалъ тамъ цѣлыми часами, прислушиваясь къ металлическому шороху листьевъ или къ паденію на землю маленькихъ сухихъ плодовъ. Тропинка сбѣгала оттуда къ ручью, гдѣ подъ крутизной берега таился сырой и прохладный гротъ нимфы Эгеріи. Мѣста, съ какими были соединены нѣкогда счастливейшіе часы беззаботнаго дѣтства, съ ними связаны отнынѣ для меня тѣ событія, изложенію которыхъ посвященъ этотъ разсказъ!

III.

Пребываніе на винья Миньятели было каждый разъ праздникомъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ. Ничего тягостнаго не содержали впрочемъ для меня въ тѣ годы и будни. Я росъ окруженный нѣжными заботами матери и ласковымъ вниманіемъ отца, соединеннымъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ моимъ, рано пробудившимся хорошимъ способностямъ. Ни одной минуты не думалъ Джованни Вендоло сдѣлать меня наслѣдникомъ своей профессіи и своей кліентуры. Причиной этого было не то, что съ малыхъ лѣтъ я не проявилъ рѣшительно никакой склонности къ механическимъ изобрѣтеніямъ. Изъ меня вышелъ бы заурядный ремесленникъ, и мнѣ недоставало тѣхъ золотыхъ рукъ, которыми такъ счастливо была надѣлена наша Тереза. Воображеніе мое никогда не было направлено въ сторону скрытаго механизма вещей, и въ противоположность большинству мальчиковъ, я нисколько не интересовался устройствомъ простыхъ и сложныхъ приспособленій, которыми окружаетъ человѣкъ свое матеріальное существованіе.

Не это обстоятельство, какъ я уже замѣтилъ, мѣшало отцу воспитывать во мнѣ искуснаго часовщика. Фантастическое честолюбіе его препятствовало ему разстаться съ мечтаніями о собственной славѣ; тѣмъ съ большимъ упорствомъ воображалъ онъ блестящую жизненную карьеру, ожидавшую его единственнаго сына. Я такъ впослѣдствіи и не узналъ, кѣмъ именно болѣе всего желалъ бы видѣть меня отецъ въ будущемъ. Намѣренія его мѣнялись: то я казался ему рожденнымъ

для почестей Церкви, то для славы войны, то для достиженій науки, то для тонкостей дипломатіи. Колесанія Джованни Вендоло выражались въ отрывистыхъ восклицаніяхъ, которыя произносилъ онъ, проводя рукой по коротко остриженной моей головѣ, въ то время какъ съ нѣкоторымъ испугомъ я зажималъ во рту большой кусокъ пирога, испеченнаго Терезой.

Въ одномъ не сомнѣвался отецъ: въ томъ, что такъ или иначе будущее сулило мнѣ нѣчто весьма важное и значительное. Что же касается до меня, то я соприкасался съ вещами важными и значительными покаместъ лишь самымъ скромнымъ и отдаленнымъ образомъ. Въ иные дни я сопровождалъ отца во дворецъ, нося мѣшокъ, заключавшій въ себѣ связку разнообразныхъ ключей. Мы поднимались по лѣстницамъ, проходили безкончныя галлерои, украшенныя бѣлыми статуями, на подесталахъ и тогдахъ которыхъ ложала тысячелѣтняя пыль. Мы посѣщали многолюдныя канцеляріи, уставленныя столами и шкапами, и парадныя апартаменты, увѣшанныя прекрасными коврами съ фигурами. Все населеніе этого лабиринта комнатъ и залъ, казалось мнѣ, знало моего отца. Величественные слуги шутили съ нимъ и обмѣнивались дружественной щепоткой табаку, безчисленныя аббаты въ черныхъ сутанахъ привѣтливо бросали ему на ходу нѣсколько словъ, лиловые и пурпурные прелаты давали ему приблизиться и облобызать руку. Отшучиваясь отъ однихъ, откликаясь другимъ, кланяясь третьимъ, отецъ не переставалъ заводитъ часы, большіе и малые, каминные и стѣнные, простые и затѣйливые. Пружины всѣхъ повиновались его рукѣ, поскрипывалъ ключъ, вращались колеса, качались маятники. Въ огромномъ человѣческомъ ульѣ, гдѣ все двигалось безшумно, быстро и точно, онъ исполнялъ, казалось, необходимую роль. Не пріостановился ли бы, какъ заводной, весь этотъ необычайный механизмъ апостолическаго дворца, не замерли бы на своихъ мѣстахъ слуги, аббаты, чиновники и кардиналы, если бы мой отецъ пересталъ являться сюда, сопровождаемый маленькимъ мальчикомъ, тащившимъ связку разнообразныхъ ключей!

Иногда наши посѣщенія заканчивались въ низкихъ сводчатыхъ залахъ, отведенныхъ подъ караулъ швейцарскихъ гвардейцевъ. Здѣсь на короткое время Джованни Вендоло становилъ